

Р84/2 Нос-Нос)6
К С 69

НИКОН СОЧИХИН

**Под небом
высоким**

Светелым Оружием дружитесь!
с сердцем благородства - автор!
Никон Социхин
Т. 05. 2000 г.

НИКОН СОЦИХИН

ПОД НЕБОМ ВЫСОКИМ

Стихи и песни
Баллады. Пьесы

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

КО

г. Томск

59778-2

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

обяза-
тельный
ЭКЗ.
ХМАО

84/2-Рс-Рж)6
ББК 84Р
КСС

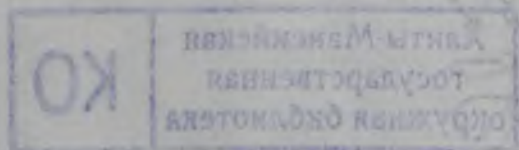
Сочихин Никон Васильевич родился в д. Коларово (бывшее село Спас) Томского района Томской области. Воспитывался в Усть-Чижапском детском доме. О природе и людях Чижапки хранит самые добрые и самые тёплые воспоминания.

Служил в армии.

Закончил Тюменский индустриальный институт. Горный инженер по бурению нефтяных и газовых скважин.

Работал бурильщиком разведочного и эксплуатационного бурения, а также капитального ремонта скважин на месторождениях Среднего Приобья.

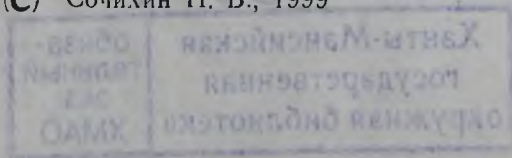
Автор нескольких поэтических книжек, изданных в Москве и Томске. В апреле 1996 г. принят в члены Союза писателей России. Живёт и работает в Сургуте.

ISBN 5-7511-1104-4

592781

© Сочихин Н. В., 1999

СТИХИ

CLIX N

Милая девочка с розовым бантиком
Прыгает в классики возле окна.
Мальчик застенчивый с новеньким фантиком
Хочет, чтоб вверх посмотрела она.

Только что в школе начались занятия.
Сколько волнений у всех и хлопот...
Дети есть дети. Они без понятия —
Кем они станут: и эта и тот?

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Даже к радугам привыкнув,
Нам глядится, мальчуганам —
Это кто-то, шеи выгнув,
Воду пьёт из Васюгана.

Будто ладный и весёлый,
Сделав важные дела,
Проезжая наши сёла,
Вдруг ослабил удила.

Смотрю из далёкого детства
Глазами моей души.
Так, видно, глядят на наследство
Или на миражи.

Пусть солнышка там маловато.
И мало любви и добра.
И было ли это когда-то,
Или придумал вчера.

Вот здание детского дома.
Вот мальчик, его друзья.
И так это всё знакомо,
Что сроду забыть нельзя.

А то, что неразличимы
Почти все детали лица?..
Всё ж это даёт мне силы
Нести свой крест до конца.

ПТИЦЕЛОВЫ

Опять зима. Опять мальчишки,
Как прежде, ловят снегирей.
В пимах, поношенных пальтишках
И старых шапках до бровей.

А я для них — всего прохожий,
Стоят, не взглянут на меня.
О, как я был вчера похожим
На них — сегодняшнего дня.

И вновь, как будто по привычке,
Как будто бы я им годок,
Мне солнце показалось птичкой,
Летающей прямо на садок.

.

В звонком птичьем пересвисте
Сердце вздрогнет и замрёт,
Видно, в пенье том таинственном
Что-то вечное живёт.

Облака пушистые, как вата,
Низко-низко над рекой поплыли.

Ой, о чём задумались, ребята?

От какой печали приуныли?

Что за песня за посёлком слышится

И зовёт, зовёт она к себе?

Или это лишь камыш колышется,

Ворожа мне о моей судьбе.

Подошла берёзонька к дороге

И задумчиво остановилась вдруг.

В ствол один скрестила свои ноги,

Сотни веток сделала из рук.

Обниму... Прижмусь щекой покрепче.

— Ты о чём грустишь? Скажи, о чём? —

И она мне ласково прошепчет,

Поцелует в губы горячо.

**А когда придёт пора прощания,
Тихо-тихо я слезу утру.**

**Да, ребята, в мире расставания
Человеку жить не по нутру.**

Но не надо, не надо печалиться.

Как бы ни был бы путь суров,

Всё равно корабли причалятся

После бурь у родных берегов.

ЛАСТОЧКИ

**Вы скажете: ересь!
Вы скажете: вздор!
Возможно, редкость какая случилась.
Над входом в казарму — гнездо,
Семейка ласточек там поселилась.**

**Издrevле ласточки селятся
Жилища людского близ.
Разве так уж жалеется
Отдать им чердак иль карниз.**

**И люди добреют душою
И смотрят на жизнь веселей,
Когда под заветной стрехою
Увидят заветных друзей.**

**И не один я, пожалуй,
В державных заботах бойца
Припомнил вдруг мать моложавой
На солнечной кромке крыльца.**

Берёз в палисаднике лепет
И старый родительский дом.
А всё-то... Лишь ласточки в небе,
Да это над входом гнездо.

Бегут, как встарь, с отрогов на отроги
Просёлочные пыльные дороги.

Хотя и поднимает эту пыль

Уже не лошадь, а автомобиль.

Но жаворонок, залетев в зенит,

Как колокольчик, в воздухе звенит.

И, как пометы, по обочь дорог —

Коровьи лепёшки, овечий горох.

.

И я иду, в пыли макая ноги,

И завидков ко мне смирить не в силах Боги.

Ветер провода перебирает,
Словно струны голубой гитары,
То слегка коснётся, замирая,
То вздохнёт и яростней ударит.

Я в дороге. Я опять в дороге,
И мне прошлого ничуть не жаль.
Я люблю глазами трогать
Всегда волнующую даль.

Пусть споткнусь я.
Пусть мне станет больно,
И слеза застелет мне глаза,
Но в душе нет места слабостью,
Выйдя в путь, не поверну назад.

И только ветер. Только добрый ветер
Мне по памяти сыграет что-нибудь.
Это от тебя мне передаст привет он
И пожеланье: «Добрый путь!»

С ДОБРЫМ УТРОМ...

Здравствуй, поле русское!

С добрым утром, рожь!..

По тропинке узенькой

Далеко уйдёшь.

Встанешь вдруг, осмотришься —

Тишь и благодать.

Ближние околицы

Даже не видать.

Охватил всю душу

Чувственный прибор.

Жаворонком взвилась

Песня над тобой.

Запевают птицы.

Подпевает рожь.

Где ещё такое

На земле найдёшь?

И куда ни взглянешь —
Взора не отнять.

Как свою любимую
Всё готов обнять.

И одно лишь хочется
В этот миг тебе:

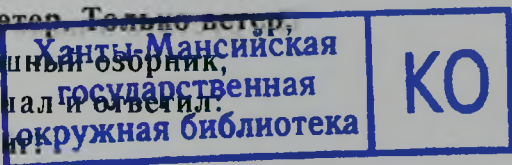
Так идти, идти бы
И всё петь бы, петь!

Тучи солнце полонили.
Увели в свой тесный терем.
Ивы ветви опустили —
Как же быть теперь им?

Ой, не сядут больше птицы
Свои песенки попеть.
Не придут грустить девицы,
И листе не зеленеть.

И заплакали берёзы
Возле речки на угоре:
Кто увидит наши слёзы?
Кто услышит наше горе?

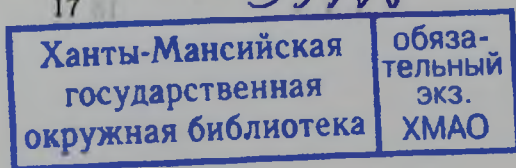
Только ветер. Только ветер,
Бесшабашный озорник,
Их услышал и ответил:
О-о, я вмиг!

1*. Заказ 842.

17

- 59778 -

Полетел вдогонку тучам
Он на конике своём,
И они с небесной кручи
Проливаются дождём.

Вот пролились, удалились
И растаяли вдали...
Все кругом преобразились
И привстали от земли.

И лишь всплеск на глади зыбкой.
И лишь облако над нивой.
И жемчужною улыбкой
Озарились ивы.

И опять запели птицы.
Стали прыгать и летать.
И пришли под них девицы
Погрустить и помечтать.

**Люблю нашу речку волнистую
И вербу над нею ветвистую,
И стадо телят,
И гомон ребят,
И птичку в ветвях голосистую.**

**Я выживу с ними и выстою,
И всё, что порушено — выстрою,
Пока в эти дни
Мне светят они
Любовью своею пречистою.**

Я спускаюсь с скалистого берега.
Светит солнышко. В сердце светло.
И, смеясь, разбиваю с разбега
Голубое речное стекло.

Погружаюсь в прохладные струи,
Словно в мир погружаюсь иной.
И река моё тело целует,
Будто я её сын дорогой.

Я запомнил то утро прекрасное.
Невозвратное утро, когда
Я не мучился думами разными,
И мне шли молодые года.

Задержался в хороших гостях.
Весь в приятных иду новостях.
Думал, может быть, сяду в такси,
Но ответили: «Нет! Упаси!»

А когда я пошёл на трамвайчик,
То трамвайчик промчался, как зайчик.
Проскакал. Прозвонил. Ну и ладно.
Всё равно мне тепло и отрадно.

По ночному иду городку.
Спит ночной городок мой. Ку-ку!

ВЕЧЕР ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Улица блестит, как пруд.
И фонари над ней, как лилии.
На что уж люди, и те плывут
Каким-то этаким стилем.

По лужам ярким, как наклейки,
По асфальту, по грязи
Такси шныряют, как уклеики.
И ходят КрАЗы, как язи.

А месяц — озорной парнишка —
С такой огромной высоты:
— Глядите, разве я трусишка! —
Разбежался и — бултых.

Чуть было в крик себя не выжал:
— Ведь он утонет. Он погиб!
Лови же! Господи, лови же
Окóн спасательные круги!

.

Случается ж такому быть.
Говорят, почище с нашим братом деется.
Кто-то подошел: «Товарищ, извините,
закурить
У вас, случайно, не имеется?»

СТУДЕНЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

(или 1962 год)

Какая пища: хлеб, вода,
И нет у нас другого спроса.
Питанье это ещё — Да!
А то и вовсе — папироса.

Но вот когда дают «стипон»,
Или подбросят что из дома,
Бокалы, кружки. Чудный звон
Струится пьяною истомой.

Вино — дешёвое. Закусок — мало.
Чего мы более хотим?
Так наливай скорей стаканы —
За голод прежний отомстим.

Сегодня есть, и мы — герои,
И легче наших мыслей лёт.
Подолгу так сидим и спорим,
А завтра всем — что Бог пошлёт.

Пусть завидующих жизнь бесит.
Пусть иссушает, аки тень.
Ты что уныл? Да будь же весел!
Не омрачи сей славный день!

Содвинем дружно с чашей чашу,
Пусть ночь. И спать давно пора,
За наш союз! За дружбу нашу!
За альма-матер! И — ура!

В ОГОРОДЕ

У сестры в огороде порядок.
Мы с племянником ходим меж грядок,
И он мне, как всеведущий гид,
Что на грядках растёт, говорит.

Милый мальчик, я сам из деревни,
Мне знаком этот промысел древний.
Но, поверь, я безудержно рад
Видеть зелени пышный наряд.

Вот морковка с метёлкой пушистой.
Вот укроп с ароматом душистым.
Вот чеснок удалец. Вот батун —
В пышной шляпе салатный хвостун.

Вот редиска в косыночке красной.
Мак-красавец в рубашке атласной.
Ну а тут — огурцы-молодцы
И на грядках лежат, как борцы.

Помидоры. Бобы. И горох.
С ними был я когда-то неплох.
Про турнепс и капусту молчу —
Это зайцу и то по плечу.

А какой огород без картошки.
И её до ручья вдоль дорожки...
Ну а как же — растут малыши.
Что для рынка. А всё — для души!

УДИВЛЕНИЕ

Человек пока не человек.
Человек пока что человечек.
Что-то непонятное лепечет.
Машет ножками, как бы беря разбег.
Человек сегодня был рождён.
Человечек очень удивлён.

Но кровати человечку мало,
Для того ли в жизнь он пришёл.
Человечек по земле пошёл
И сказал большое слово — МАМА.
Человек для жизни окрылён.
Человечек снова удивлён.

Вот и человечек — человек.
Как большой, взъерошивает чёлку.
И почему-то на соседскую девчонку
Уж целый год поднять не в силах век.
Сразу видно — человек влюблён.
Человек, как человечек, удивлён.

Человек стал строить города.
Плавать в море. Воздвигать плотины.
Распутывать созвездий паутины.
Пшеницу сеять и пасти стада.
И, увидев всё, что сделал он, —
Человек и горд и удивлён.

Сединой покрылась голова.
У детей свои родились дети.
Есть такой простой закон на свете.
И природа, кажется, права.
Это значит: человек, как клён.
Знает человек, а удивлён.

И пока вращается Земля
По законам чудных навигаций,
Человек не перестанет удивляться,
Человек не перестанет удивлять.
Человек и будущих времён
Удивленьем буден наделён.

Места родные, вас мне не узнать.
Стою растерян. Те ли вы? Не те ли?
Неужели здесь когда-то мать
Родила меня на самом деле?
Да, да. Я, кажется, припоминаю:
Деревня. Луг. Тальник. Река...
Картины детства, словно птичьи стаи,
В тумане памяти качнулись слегка.

А в тех картинах есть такой парнишка,
Он, может быть, похож и на меня.
То он в ночном. То тащит удилишко.
То просто так, где шум и ребятня.

Пусть ярких красок в них совсем немного,
Я не устану ими дорожить.
Они мне дороги, как эта вот дорога,
Ныряющая в омут ржи.

И хоть весь я просóлен городом,
Сердце с болью сожмётся в груди,
Когда вдруг угляжу над угором
Деревенский дымок впереди.

Где сорока стрекочет,
Возлетев на забор.
Краснобровый где кочет
Будит утренний бор.

Да кукует кукушка
На опушке лесной.

.

Мне бы сладить избушку
Под кудрявой сосной.

.

И с любимой, хорошей
Жить, не ведая бед.
И весёлой порошей
Пусть засыпает след.

Мышиный горошек
Душистый, хороший,
Вдоль пыльных дорожек
Внезапно расцвёл
И сонмы жужжащих
И вечно спешащих
Таких работающих
Привлёк к себе пчёл.

Сибирское лето
Короче привета,
И, чувствуя это,
Берутся дружей,
И что им заботы,
Судёб повороты,
И — даже — хлопоты
Каких-то людей.

Люблю, что порхает, летает,
Щебечет и звонко поёт —
Мне это и ухо ласкает,
И глазу отраду даёт.

И лечит душевные травмы.
И в сердце привносит покой...
Давайте присядем на травы —
Лужок здесь прекрасный какой!

Пожухла небес синева.
С дерев облетела листва.
Шумят невозможные ветры
И стыннут пространств километры.

Хоть звери давно и зверушки
Кто в норке уже, кто в норушке,
А всё ж не идёт из ума:
Какой она будет, зима?..

И серенький зайка, как купчик,
Сменил свой зипун на тулупчик.

ЗИМНЯЯ НЕВЕСТА

**«Просватали берёзку! —
Кричало вороньё, —
За старого Морозку
На сытое житьё.
На белые палаты.
На пышные наряды».**

.

**На слёзы, на печали
Их вьюги обвенчали.**

**Постойте, не кричите
Почти со всех сторон.
Уж лучше помолчите.
А вам какой резон?**

**Стоит не шелохнётся
В наряде том она.
Но ждёт и не дождётся,
Когда придёт весна.**

Когда из тёмных почек
Проклюнется листва
И звонкий голосочек
Ей пропоёт слова

О том, что солнце встало.
О том, что скоро — Май!
И что Морозко старый
Уснёт — и поминай.

И снова будут птицы
Над кроною кружить,
И петь и веселиться,
И с ней самой дружить!

**Во дворе мы саженцы садили,
И выбрал я себе рябины куст.
А к осени малютки народились
Ну до чего кислющие на вкус.**

**Их подсластит морозец, я-то знаю,
И в декабре, когда шумит метель,
Над городом случайно пролетая,
Их приглядят снегирь и свистистель.**

**Они с небес однажды утром рано
Опустятся, как в цирке циркачи.
На них сапожки будут из сафьяна
И яркие рубахи из парчи.**

**Они склюют по ягодке для пробы
И по второй, распробовав, склюют.
И запоют, и затанцуют оба,
И всех своих подружек созовут.**

И малыши, без всяких там билетов,
Придут послушать их и поглядеть.
И уж о том, что миновало лето
Не так, как прежде, станут сожалеть.

Какие луны в декабре!
Я без ума от этих лун,
Как будто снова в той поре,
Когда я был красив и юн.

Когда летал по буровой,
Как сизокрылый голубок,
И сон после работы той
Был и спокоен и глубокий.

Теперь луна не так ясна.
И я один. И полумрак.
И никого. И тишина.
Ах, Коля, Коля, как же так!?

Воробьи залетели в столовую
И ведут теперь жизнь здоровую.

Много ль надо замёрзнувшей птахе?
Крошку хлеба с замызганной плахи.

Каплю влаги — не боле — как есть,
Да уступ, где бы можно присесть.

Ну, а то, что заевшийся кот
Заезавшимся хвост оборвёт?

Что ж! Зато здесь тепло и уют.
И о том они громко поют.

И рабочие их понимают,
И поесть кое-что оставляют.

Какая погода! Я даже не верю.
Но лица помбуров сияют: живём!
Окончилась вахта. На лыжи скорее —
Поздравить тайгу с наступающим днём.

Иду напрямик по упругому насту
Один, никуда ни за чем не спеша.
И всем я — товарищ,
и все-то мне: «Здравствуй!»
В такие часы прозревает душа.

Я вижу и слышу, как встав ото сна,
Глубоко по-женски вздохнула сосна.

Как шепчет заутреню бабушка ель,
Покоя в подоле метели кудель.

Как в небе, сияя во всю эту ширь,
Солнце взошло — красногрудый снегирь.

Как чисто и звонко на лёгком морозе
Рассыпалась дятла весенняя дробь.

• • • • •
Я тихонько-тихо о локоть к берёзе,
И сердце невольно взяла отеропь.

И вся-то опушка блестит перламутром.
А прелесть какая—сказать не берусь.
И рыжая модница где-то под утро
Здесь обронила ниточку бус.

Заметелила. Завьюжила зима
 Так, что в поле затерялась сама.
 К февралю спешила в гости на чай,
 Да вот сбилась с путь-дороги невзначай.
 Едет. Едет. Всё то — поле, то — лог.
 Верный конь Буян-Бурани изнемог.
 Изнемог Буян-Бурани и устал,
 Утонул в большом сугробе и встал.
 Встал. Как билась ни билась зима —
 Не идёт, хоть впрягайся сама.
 И подумала: «Серчай не серчай,
 Всё равно уж опоздала на чай.
 Дай-ка лучше я чуть-чуть отдохну,
 Чтобы встретить подобающе весну».
 Умостила в кошеве на мехах
 И уснула. А проснулась и — ах!
 Солнце жалит и жужжит, как пчела.
 «Ой ты, матушка, гляди-кось, проспала!
 Проспала ведь я, сердешная, свой час.
 Что же делать? Что же делать?
 Вот те раз!»
 Где вчера Буян-Бурани рвал гужи —
 Ручеёк, журча, проталинкой бежит.
 А в кошёвке сон-трава и молочай.

Вот тебе и гостевание, и чай,

Испугалась зима. И в леса,
Озираясь, ушла, как лиса.

С НОЧЕВОЙ

Видать, последний чебачок
На мой позарился крючок.
И сколько я ни ухитрялся,
Всё как отрезало: молчок.

Ко мне приехал старший брат.
Я встрече был ужасно рад.
Мы с ним не виделись давно
И порыбачить заодно.
Хоть в Томске тоже рыба есть,
Но та — совсем не та, что здесь.

И вот мы оба с ночевой
Сидим у речки Моховой.

Дымит костёрчик понемногу
И отгоняет комаров.
Мой брат соорудил треногу,
Под котелок подложил дров,
И благодать.

Когда придётся
Опять собраться нам вдвоём?..

**Сибирь! Какой не встрепенётся
При гордом имени твоём!**

**Возьми и сердце без возврата.
Ты мне навеки дорога.
Твои восходы и закаты.
Твои дожди, твои снега.**

**Твои урманы вековые.
Весенние разливы рек.
Твои сокровища земные.
И главное — твой человек.**

**И я, сложивший эти строки,
Ни кто-нибудь. Ни с печки — бряк.
Твоих работ размах широкий
Люблю как сын, как сибиряк.**

**Вот котелок запел, заухал.
— Ну, что там, доставай, братуха!
И мы, не тратя лишних слов,
Взялись за ложки — Будь здоров!**

Что есть уютней — костерка?
Что есть вкусней — из котелка?
И уха была неплоха,
Ну а чай, —
Хоть по отчеству величай!

Для чего ношу усы!?
Ясно дело — для красоты.
А ещё? Ещё, признаться,
Как барометр-часы.

Вот пришёл ко мне успех,
Значит, я счастливей всех
И усы мои, понятно,
Как орлы, взлетают вверх.

Ну, а жизнь дала каприз
И в делах знобящий бриз,
То и усики, что делать,
Опускают крылья вниз.

Вот я в зеркало взглянул
На себя... И всё смекнул,
Что не так, а что не эдак,
Что мне взять «на караул».

А без этих, без усов,
Всё равно как без часов,
Как корабль без компаса,
Парусник без парусов.

Ходит сизый голубок
Утром по дорожке.
Собирает он в зобок
Семена и крошки.

А сквозь щёлку из дверей
Наблюдает котик.
Полон ох каких гвоздей
Его славный ротик.

Не ходи ты, не ходи,
Милый, по дорожке.
Потому что впереди
Всё коты да кошки.

К МОЕЙ ФОТОГРАФИИ

**Разве этот дед —
Мой портрет!?**

Усатый. Помятый.

Морщинистый.

Понурый. Сутулый.

Щетинистый.

**Разве я в жизни такой?
Вот он я в жизни какой!**

**А это не я, и точка.
Это — моя оболочка.**

**Я же, скорей, мужичок,
Как на берёзе сучок.
И у меня с боков
Цветочек, ручеёчек,
Да птичка возле облаков —
Я весь таков!**

**

**Кружусь, как белка в колесе.
Хожу, как вол, по кругу.
Чтоб только выглядеть как все,
Как все на всю округу.**

**А надо стать самим собой!
И я им стать берусь...
Все «понеслись» наперебой.
И я им вслед несусь.**

Да, наше время сложное,
Хотя и не война.
И если крылья слóжил ты,
То грош тебе цена.

Ведь жизнь не вся-то вызналась
И даль ещё светла.
Ну что с того, что изморозь
Уж на виски легла.

Мы Родины заботники,
Кедровые кряжи,
Воители. Работники.
Наш труд приди, княжи!

Пусть канет в невозвратное
Всё, что губило нас,
И сила благодатная
Сойдёт к нам в добрый час.

ПРИГЛАШЕНИЕ К СТОЛУ

О, подожди, мой добрый друг,
С тобой мне так легко и просто.
Мы одинакового роста
И прочее... Найти не вдруг
Таких друзей в такие годы.
Выходят старики из моды.
Мир обновляется вокруг —
Таков уж жизни мудрый круг.

Давай, присядем у стола.
На стол бутылочку поставим.
И юность новую не станем
Ругать... Мол, до чего дошла!
Уж стариков не почитает,
Их выжившими из ума считает.
К чему? Зачем? Ведь и у нас
Была такая же в свой час.

Мы лучше сделаем иначе.
Стаканы попокойней нальём.
Не беспокойся — мы вдвоём.
От чуждых глаз нас стены спрячут.

Пускай гадают мудрецы,
Что значит: Дети и Отцы.
И чешут крупные затылки...
Когда ответ на дне бутылки.

Мой милый друг, не торопись.
Садись! Садись!

ДРУГУ

Ты женщину любил душой поэта
Возвышенно. Светло. Не как-нибудь.
Не унижай её, не знавшей это —
Так волен каждый выбирать свой путь.

Ты, будто вол, тащил свою работу,
А был, как пёс, обруган и забыт.
Но не спеши в том обвинить кого-то —
Ты им прости и не таи обид.

Ведь всё равно жизнь славная чертовски,
Хотя проиграна и в этом и в другом.
Не огорчайся, друг мой, и потом —
Смотри на вещи философски.

(воспоминание товарища)

Отец ушёл. Былому нет возврата.

Его теперь и скорым не догнать.

Мать присела: «Я ли виновата,

Что он так часто начал выпивать?

Я ли в нашей жизни небогатой

Поперёк дороги шла ему?

И за всё — такая вот расплата.

Ну так что ж. Уж, видно, быть тому».

Опустила голову, заплакала,

Будто подо льдом тоскующий ручей.

Знайте все: во фраках ли, с заплатами,—

Материнских слёз нет горячей.

Я старался всё плохое вспомнить,

Что я сумел при жизни натворить,

За что других нещадно мамки порют,

А у моей рука б не стала бить.

Я её косынку с пола поднял
И прижался вновь всем телом к ней.
Может быть, тогда-то я и понял —
Ничего мне в жизни нет родней.

«Мамочка, тебя я не забуду,
Ты такая! Ты такая! Ты!...
Мамочка, ты слышишь, я не буду,
Я не буду писиться в штаны».

ИСХОД

«Так уезжай, — сказал он безразлично, —
Я никого здесь, вроде, не держу.
И если уж меня касаться лично,
Я сам тебя на пристань провожу».

И проводил. Потом они стояли
Угрюмые, решившие исход.
А дети ничего не понимали,
Их занимал большущий теплоход.

Потом помог подняться ей по трапу.
Детей провёл. И чемодан принёс.
Сошёл на берег. И поправил шляпу,
Мол, слава богу, обошлось без слёз.

Потом стоял, приличия отчасти.
Убрали трап. Отходит теплоход.
Пусть уплывают все его напасти,
Он жизнь свою по-новому начнёт.

Но вот уже неразличимы лица,
Родные лица около борта.
И крик его, как раненая птица,
Бил сломанным крылом в провале рта...

Эх, дядя, миленький, пустая голова,
Как поздно ты, родимый, спохватился,
Твой крик беспомощный прибило к островам
И на него ответ не воротился.

Понахмурились дороги.

Посветлели небеса.

Вновь сомнений и тревоги

Слышу в сердце голоса.

Что убудет? Что прибудет?

Кто мне весточку подаст?...

Дай-то Бог, не злые б люди

Оказались в этот раз.

Много ли дел, Игорь и клятва,
А все же ты не пал ни на ком и не кляни,
И злато не жуди, и жито не рожай,
И думай, какой смертник не придет.

Много ли дел, Игорь и клятва,
Вот кляну, и кляну, и кляну-то тебе,
Вот кляну тебе, белая бородина, где ты,
Вот кляну тебе, Мать-Варвара, где ты, где ты.

Реставрируют церковь во Спасе.
«Слава господи! — молит народ, —
Может, снова наступит согласие.
Снова будет приплод и дород.

Станем, братья, усердно молиться
И молитвы услышит Христос...»
А потом вдруг наступит граница,
И опять всё к чертям — под откос.

МОЛОДЫЕ ЛЮДИ...

Молодые люди. Юнкера и кадеты.
Крепь-опора русская испокон веков.
Только колыбельные были вам пропеты,
Тут же вам запели пули у висков.

Молодые люди. Юнкера и кадеты.
Ваши богоносные святые мужики
Злобой иноверцев будут разогреты,
Вас, смеясь, поднимут на свои штыки.

Молодые люди. Юнкера и кадеты.
А ведь были планы на «аз» и на «ять».
И служенье музам. И вдвоём рассветы.
И любовь, которой смертным не понять.

Молодые люди. Юнкера и кадеты.
Вот какие, господа, вышли-то дела.
Ваши кости белые истлевают где-то.
Ваша Мать-Россия на панель пошла.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Шапки на головы — Ух!

Шашки наголо — Эх!

И понеслись во весь дух

Все на таких же на всех.

И — только бог-перебог!

И — только мать-перемать!

.

Видно, мой разум убог,

Чтобы её понимать.

**«Ничто не вечно под луной» —
Когда-то сказано не мной.
И не тобой, мой друг, наверно,
Зато ведь сказано-то верно.**

**Был первый Рим.
Был и второй. И третий.
И всех их поразило жало смерти.
И Рим четвёртый и взойдёт и рухнет,
И лишь паденья отголосок ухнет
В дали времен.
И пятый Рим, как гриб,
Начнёт расти...
И он как все — погиб.**

**Ну что ж! Ну что ж!
Исход иной
И не был. И бывать не может.**

**Ничто не вечно под луной.
И над луной не вечно тоже!**

ОБИДА

Меня обидели, и я пошёл к реке,
Благо, что она невдалеке.
Ведь говорят (насколько это верно?),
Вода нам успокаивает нервы.
И, может быть, среди речной тиши
Спадёт булыжина с обиженной души.
Вот и река. А вот он и мосток.
Взглянул на запад я, а после — на восток.
Какой закат! Какой кругом простор!
А в череп лезет всевозможный вздор.

Мою обиду услышал кулик.
Он над водой поднял ужасный крик:
— Ты это брось! Ты, парень, не дури!
Ты покури-ка лучше, покури-и-и!
Я бы покурил, да не курю,
И ничего в ответ не говорю.
Течёт река. На дне лишь ил и тина.
Она спокойна и невозмутима...
Но это — с мостика. А пристальней взглянуть,
И у неё совсем не гладкий путь.

Как же случилось-то? Как же случилось?
До сих пор я никак не пойму.
Всё прошло. Пронеслось. Прокатилось.
И в крошечную кануло тьму.

Нет подруги. Но нету и друга.
И мужчина не в лучшей поре.
И живу я один, как зверюга.
Как зверюга в вонючей норе.

А на вас обижаюсь не шибко,
Ни за что ни про что не кляня...
Я на землю попал по ошибке,
Вы уж, люди, простите меня.

Котик чёрный, как чертик запечный,
В своей дружбе поклялся мне вечной.

— Что ж,—ответил я,—будем дружить!
И позвал к себе котика жить.

Вот живём мы. И, в общем, не тужим.
Как поклялись дружить,
так и дружим.

Я работаю на буровой.
Он за домик наш спину горой
Ото всяких пройдох и мышей.
Как придут, он их гонит взащей.

И довольны мы: котик и я,
Небольшая, а всё же — семья.

**Всю жизнь. Всю жизнь. И без остатка
Я положил — и смех и грех —
За призрак жалкого достатка,
Чтоб тоже было, как у всех!**

**И чтоб вкушая хлеб телесный,
Других не горше был ломоть.**

.

**Господи ! Светы небесный!
Как мне себя обороть?**

**Как мне надежды умерить
На благодати твои?
Как мне посметь и поверить
В разум и силы свои?**

Устал, устал. Нет сил, нет сил.
Всё, всё. Ложусь и сплю неделю.
Ведь сколько грязь я ни месил,
Её не меньше, в самом деле.

Ну ладно, что на сапогах,
На рукавицах и на робе.
А та, что на душе, в мозгах?...
Ту отскоблить?
Иди. Попробуй!

Меня учили часто
 И всюду и везде,
 Что счастье-то — в несчастье,
 А радость-то — в беде.

Живи, как все. Работай.
 Силёнок не жалей.

А это просто ботали
 По фене, дуралей.

ПЛАНИДА

Я рад, что люди живут по-людски.
Я рад, что такая эпоха.
А тут... Хоть и впрямь разорвись на куски,
Всё и не так и плохо.

И всё-то у них своим чередом
Происходит из рода в род.
Сначала — сначала, а потом — потом.
И никак не наоборот.

А мне! Как бы сердце моё ни стучало,
И как бы мозги ни крутились мои,
Сначала — потом, а потом — сначала.
Ну хоть бы разочек... Моли́ не моли́.

И всюду за мной несурaziцы эти.
И всюду за мной и хула и обида.

.

Неужели на этой планете
У меня такая планида?

Однажды случится такое,
И станет совсем невтерпёж
Моё бытие городское
И сутолока, и галдёж.

Я поселюсь в деревне,
Стану сажать картошку.
Буду, как дедушка древний,
Ветшать и ветшать понемножку.

А к зиме, примостясь на завалинке,
Как мой предок в свою старину,
Подошью мои старые валенки —
И ещё раз зиму обману.

Рисует осень акварелью
Поля. Леса. Луга. Деревья.
Дома. Дорогу. Косогор.
И повалившийся забор.

Кричит встревоженная птица,
Взлетая и садясь в кусты.
Машина вдоль забора мчится,
И пыль за нею золотится
И опадает... на кресты.

**Ах ты, осень, ты так обманчива.
Я-то думал: зима совсем!
А сегодня дела заворачивать
Стало солнце нам в радость всем.**

**И вчера побелённые рощи
Нынче снова стоят в парчах.
Сколько светлой, весёлой мощи
У тебя на твоих плечах!...**

**Запоздалое бабье лето
Опрокинуло краски дня.
Всё равно ей спасибо за это
И за то, что волнует меня.**

Вот и окончилось лето.
Лес опадает листвою.
Милая, где же ты, где ты?
Где же твой голос живой?

Стынет лесная опушка,
Будто на ней никогда
Не куковала кукушка,
Нам отпуская года.

Будто цветы луговые
Нам не сплетали венок.
Будто и чары лесные
В свой не манили чертог.

Милая, где же ты, где ты?
Что же ты скажешь сама?...
Осень, конечно, не лето,
Но ведь ещё не зима!

Листопад на дворе. Листопад.
Вот и осень как будто настала.
Я брожу сам с собой наугад
Там, где лето недавно гуляло.

Где ромашки беспечно цвели
И стрекозы над ними летали.
Тянет прелой листвой от земли
И сквозят потускневшие дали.

Значит, скоро заплачут дожди
И наступит сплошное мученье.
И от этого смутно в груди,
А в душе всё равно — просветленье.

Ветер. Ветер. Я вижу. Я вижу
Состоянье какое твоё.
Я и просьбой тебя не унижу,
Если всё ж попрошу за НЕЁ.

Не вплетай эту нить паутины
В ЕЁ трепетный локон волос.
Не гони без особой причины
Вдоль дороги ненужный хаос.

Видишь, птицы тревожно махают,
Будто скажут нам вдруг: «До весны!»
А вот рощи с тоской отряхают
Предсентябрьский дождь желтизны.

И хотя бы на миг, из ВЕЛИЧИЯ,
Ты как будто устань и усни,
И надежду на счастье девичье
В ЕЁ сердце ничем не вспугни.

Кудрявый мальчик Купидон,
Как мотылёк, вокруг Вас резвился.
Тут я — случайно — появился,
Не мысля, что затеет он.

Пустил он стрелку наугад.
И стрелка взвилась, взвилась, взвилась —
И прямо в сердце мне вонзилась...
А я ни в чём не виноват!

СОПЕРНИКИ

Не тактик я и не стратег,
И вряд ли буду Вам полезен.
А лейтенант, видать, из тех,
Кто маршальский припрятал жезл.

Мне диспозиция ясна.
Я уступаю место боя —
Вам по душе шинель казённого сукна,
А я ношу пальто свободного покроя.

«Молодой человек, подождите, —
 Слышен голос как бы с высоты. —
 На минутку сюда подойдите
 И для милой букетик купите.
 Посмотрите, какие цветы!»

Да, цветы ваши просто на диво,
 Изумительны, что говорить.
 Будет девушка чья-то счастливо
 Их к груди прижимать горделиво...
 Жаль, что некому мне подарить.

Заросла тропа к реке травой и талом.
Стало некому по той тропе ходить.
— Не ищи со мною встреч,—ты мне сказала,—
Нам другой тропы теперь не проторить.

Ты ушла. И речка сразу обмелела.
Опечалилась, утратив будто речь.
Ты ушла. И я, как дом осиротелый...
Кого согреть мне? И кого сберечь?

Ну так что ж, иди спокойно и навечно.
Я звать не стану и ни в чём не укорю.
Я просто выйду себе на́ берег под вечер
И под берёзкой нашей молча постою.

НАДЕЖДА

Всё чаще, чаще понимаю,
Что не по росту поднимаю
Свой груз... Да и не по годам.
Что жизнь — «житуха», я вам дам!

Что вот уже душа стареет.
Что вот уже и мысль мелеет.
А музы любят молодых.
И я уж не предмет для них.

Ну что ж! Ну что ж! Мои потери,
Что в пропасть века улетели,
Не все пропали без следа
И нет во мне за них стыда.

И, может быть, ещё луч солнца
Мне вновь, как прежде, улыбнётся...
И я о любви пропою —
Как в давнюю юность мою!

Эта жизнь — занятная штучка!

И тут возникает вопрос:

Если вас она водит за ручку,

Почему меня водит за нós?

Налейте мне чаю —
 Согреться не чаю.
 И пирог откушу —
 Я с собой не ношу.

Неужели дочка так старела,
 Как жар его знает из утробы?
 Ведь этот жар, где прячет утроба,
 Там — утроба — не чуждая.

Ты стала для него чуждой,
 Он не тебе такой человек.
 И ты живёшь в нем, как в чуждом,
 И в той чуждой чуждом.

Как высоко парили облака!
Как низко нависают тучи...
Всё чаще, чаще крестится рука —
На всякий случай.

**Зачем ты, муза, посещаешь
Одинокого мужчину,
Ему надежду обещаешь
И ищешь — отдалить — причину?**

**Неужто хочешь посмотреть,
Как жар его идёт на убыль?
Ведь этот мир, где правит рубль,
Ему — увы — не одолеть.**

**Ты стала для него святой.
Он на тебе одной помешан.
И всё живёт в надежде той,
И в той надежде безутешен.**

**Привет тебе, Родина наша!
Средь ясных и горестных дней
Нет для души тебя краше,
Нет и для сердца милей.**

**Есть светлая радость родиться
Под небом высоким твоим
И именем честным гордиться,
И делом гордиться своим.**

**И в хоре согласном народа
Не только лишь рот открывать...
· · · · ·
Будь славна и Мать-Природа,
Что это смогла даровать!**

**Ты написал стихотворение.
В нём Рифма, Ритм, и То, и Сё.
И ты стоишь со взором гения...
А это — далеко не всё.**

**Нужны и Чувства, и Умение,
И Мысль никак не обойти...
В стихах должно быть напряжение,
Как — в электрической сети.**

Пусть все мои стихи не стоят ни гроша.

Пусть имя и покой ничей я не нарушу...

Поэзия — это душа!

А можно ли выразить душу!?

В. Т.

Ты, наверное, сова —
И ночью слушаешь слова.
А я вот жаворонок —
И всё пою спросонок.

поэту Николаю Горохову

Хорошо с хорошими друзьями
Посидеть, развеивая грусть,
И стихи, что сложены не нами,
Прочитать почти что наизусть.

Раздирает в кровь Россию смута.
Слово «русский» хуже, чем хула...
И неясно было почему-то —
Чем это поэзия жила!

Зачем стихи пишу?
Откуда же я знаю —
Зачем живу, дышу,
Работаю, мечтаю.

Что всем не примирить,
Не примирить мне тоже.
Так стоит говорить!
И всё же...

Никогда и нигде
Я об этом не каюсь.
Я сгибаюсь в труде,
А в стихах — разгибаюсь.

Завоев стран пашу

Откуда же я знаю —

Зорень женой дину

Работая, не знаю

И слыш, как говорят

Примите же то же

Не примите же то же

Так стоит говорить

Самый русский язык

И потому язык этот

Чем это язык этот

Никогда и нигде

В об этом не знаю

В сущности в труде

А в сущности — в труде

ПЕСНА

Не зовниш сирмаз адѣе рана,
Какъ зовнишъ въ сирмазъ ступагана,
Ширеши еѣ, що зовнишъ варау,
Учабавишъ варау.

ПЕЧАЛЪ

Песня! — Эхъ, печаль, печаль,
Песня! — Печаль, печаль, печаль,
Песня! Песня!

ПЕСНИ

И печаль, печаль, печаль, печаль,
И печаль, печаль, печаль, печаль,
И печаль, печаль, печаль, печаль,
И печаль, печаль, печаль, печаль.

ПЕЧАЛЬ

Песня! — Не печаль, мой друг, печаль,
Песня! — Тамъ печаль, мой друг,
Песня! Песня!

NECHN

ВЕСНА

По улицам города идёт весна.
Как важно и гордо ступает она.
Встречая её, все люди вокруг
Улыбаются вдруг.

припев:

Весна! — Это снова улыбки и смех.
Весна! — Открывает объятия для всех.
Весна! Весна!

И воздух волшебный струит аромат.
И каждая девушка радуется взгляду.
И всем, кто влюблён, тем причина ясна —
Ведь это весна!

припев:

Весна! — Не печалься, мой друг, погляди:
Весна! — Твои встречи ещё впереди.
Весна! Весна!

Уж март на исходе. Уж скоро апрель.
И звонко по лужам колотит капель.
И всё голубее становится даль.
И снега не жаль.

п р и п е в :

Весна! — Посмотри, как прекрасно кругом.
Весна! — Это счастье стучится в наш дом.
Весна! Весна!

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Мне мальчишечка украдкою
Передал вчера с тетрадкою,
Чтобы я пришла к нему —
На свидание.
Я решила: никогда.
А сама пришла сюда.
Вот стою и жду как будто
Наказания.

припев;

Ах, вечер-вечерок.
Ветер-ветерок.
Тает солнышко на небе,
Как уголёк.

А вокруг-то ходят люди.
Что же будет? Что же будет?
Вдруг увидят? Вдруг узнают?
Ну и пусть...
А мальчишечка хорошенький
Показался на дороженьке.

**Что же делать? Что же делать?
Не решусь.**

припев:

Ах, вечер-вечерок.

Ветер-ветерок.

Таёт солнышко на небе,

Как уголёк.

Мы прошли с ним по аллеечке.

Посидели на скамеечке —

Самой тихой. Самой дальней.

Над рекой.

И казалось в этот миг,

Что на нас глядит весь мир,

От того и месяц в небе —

Золотой!

припев:

Ах, вечер-вечерок.

Ветер-ветерок.

Таёт солнышко на небе,

Как уголёк.

Спит город любимый мой.

Спят переулки мои.

Только ещё мы с тобой

Не спим одни.

Речка бежит под мостом.

Глядятся в неё фонари.

А мы, дорогая, вдвоём

Всё стоим и стоим у перил.

Почему ты сегодня молчишь,

В своём сердце слова затая?

Почему всё на речку глядишь?

Ну, взгляни ж на меня.

Уже небосвод голубой.

Уже потухают огни.

Мой город, любимый мой,

Этот вальс прими.

Пусть звенит он в тиши ночей
По бульварам, проспектам твоим.
Пусть тревожит сердца томичей
Он напевом своим.

ШКОЛЬНЫЙ БЕЛЫЙ ВАЛЬС

**В гулкие своды
Взвился звонок.
Вот и подводим
Первый итог.**

**Классные стены,
Где окна и мел.
«Коля плюс Лен:
Равняется Эл.»**

п р и п е в :

**Вечер выпускной.
Школьный белый вальс.
Будто не со мной.
Будто не сейчас.**

**Средняя парта
В первом ряду
Я к тебе завтра
Уже не приду.**

**Только лишь в сердце
Будут всегда
Нашего детства
Эти года.**

припев:

**Вечер выпускной.
Школьный белый вальс.
Встанут предо мной
Ясно, как сейчас.**

СТУДЕНЧЕСКАЯ ГИТАРА

Красотой она не блещет.
Залы ей не рукоплещут.
Но не плачет на судьбу она свою.
У костра и на привалах
Всюду первый запевала.
Запоёт она, и все ей подпоют.

Дождик скачет по палатке,
А палатка вся в заплатках.
Значит, в ней, как в океане, воды.
Но унынию нет места,
Потому что, как известно,
Выручает нас гитара из беды.

В гору путь лежит наш круто,
И нельзя свернуть с маршрута,
Но гитару мы не бросим даже тут,
Потому что та гитара,
Точно крылья для Икара,
Помогает набирать нам высоту.

Так ведётся, что студенты
Не живут без инструментов,
И гитара — самый этот инструмент.
С ней всегда рука об руку,
Как с хорошим, верным другом,
Через всё пройдёт с улыбкою студент.

Если б было небо годно
Для дороги пешеходной,
Обошлись бы мы без рельс и автотрасс.
Мы бы взяли бы гитару,
Да хороших книжек пару —
И пошли б себе тихонечко на Марс.

Ах, зачем к нам приходит весна?
Ах, зачем зеленеют сады?
Я хотел о любви рассказать —
Испугался твоей красоты.

И куда я теперь ни пойду,
Твоё имя шепчу я, любя.
Неужели себе на беду
В этой жизни я встретил тебя?

Пусть на улице дождь проливной,
Я унять его не молю.
Ты спроси. Ты спроси, что со мной?
Я отвечу. Отвечу — люблю!

Они целовались на людном причале,
И волны качали причал,
Без клятв и печали,
Как только в начале
Из самых прекрасных начал.

И всё им казалось понятно и ясно,
И скоро им встретиться вновь.
И плакать — напрасно,
Ведь жизнь прекрасна,
А в жизни — любовь и любовь...

Им было по двадцать, когда расставались
Под шёпот и пение струй.
И годы промчались...
Они целовались —
И горек был их поцелуй.

ДВА КОЛЕЧКА

Ох, недаром, видно, речка
Голубые кольца вьёт
Возле самого крылечка,
Где любовь — душа живёт.

Может быть, колечки эти
Паренёк давно хранил.
Шёл к любимой, не заметил,
Как случайно обронил.

Покатилось два колечка,
В лунном свете промерцав...
И теперь течёт там речка
В два потерянных кольца.

Может быть, она иную
О колечках быть хранит.
Сколько речку ни прошу я —
Речка мне не говорит.

Ах ты, речка, речка, речка,
Мне открой секрет, любя!

.

Не боли, моё сердечко,
Это ведь не про тебя.

Мы засыпаны снегами
Девять месяцев подряд,
А над нами, а над нами
Самолётики летят.

Серебристые крестики,
Лебединые крестники,
Пролетают, пролетают,
Словно что-то говорят.

Ах, сказали мне они,
Что на шатком том причале
Ты стоишь одна в печали
Без подруг и без родни.

За рекой горит закат.
По реке проходит катер.
И о гулкий дебаркадер
Волны нехотя стучат.

Всё ты думаешь, что вот
Из-за той вечерней кромки
Весь в огнях, в веселье громком
Мой возникнет теплоход.

Не такой я человек,
И грустишь ты зря, ей-богу!
Вот дострою я дорогу
И вернусь... Уже навек.

НА ОБСКИХ ПРОСТОРАХ...

На обских просторах
Раскинулся город,
Который я славлю трудом и в стихах.
И вспомнить я рад,
Ведь он мне как брат,
Что рос у меня на глазах.

Как нефть открывали
И ГРЭС воздвигали,
И топь отступала, проспектами став,
И как в полный рост
Над Обью встал мост,
И первый встречали состав.

Пусть в новые сроки
На новые стройки
Меня вдруг однажды умчат поезда...
И годы пройдут,
Но только Сургут
Уж мне не забыть никогда.

И я не забуду,
Подобные чуду
Тот вечер над Обью, в огнях теплоход.
И чайка кричит,
И сердце стучит,
И девушка рядом идёт.

Город мой
Над Обью-рекой,
Ты, как друзья, молодой!

СУРГУТНЕФТЕГАЗ

Двадцать лет — это, в общем, не мало.
И они в нашем сердце живут.
Нас работа с тобой поднимала,
И вставал вместе с нами Сургут.

припев:

Сургутнефтегаз — над тайгой буровые.
Сургутнефтегаз — рубежи трудовые.
Сургутнефтегаз — новоселий огни.
В памяти нашей они.

Мы наград для себя не просили,
И любой из нас искренне рад,
Что сегодня вручаем России
Первый наш трудовой миллиард.

припев:

Сургутнефтегаз — беспокойные ночи.
Сургутнефтегаз — и «спецам», и рабочим.
Сургутнефтегаз — с нами рядом всегда,
Радость пусть или беда.

Что за сила сюда нас так тянет?

Что за голос сюда нас зовёт?

И мой сын — коренной сургутянин —

Утром рядом на вахту идёт.

припев:

Сургутнефтегаз — всё как будто впервые.

Сургутнефтегаз — мы опять молодые.

Сургутнефтегаз — в этот день, в этот час

С нами — Сургутнефтегаз!

ДИВНЫЙ ГРАД

(песня о Сургуте)

На земле, земле югорской
Ты поднялся — знаменит.
О тебе в краях заморских
Неспроста молва летит.

припев:

Дивный град, столь в мире славный,
Ты заботою державной
Над обскою встал водой,
Будто витязь молодой.

По упорству и по силе
У России ты один.
Ты и труженник России,
И России верный сын.

припев:

Дивный град, в трудах столь славный,
Нефтяной оплот державный,

Ты гостям всегда был рад,
Но коль надо, ты — солдат.

Кто влюблён в твои просторы,
Не разлюбит больше их,
Как пленительные взоры
Сургутянок молодых.

припев:

Дивный град, столь сердцу славный,
Ты хранишь завет державный.
Будь в веках же знаменит —
Обь-река тебя хранит!

Кто-то хвалится горами,
Что уходят в вышину.
Кто-то хвалится садами...
Я ж на севере живу.

А у нас зима белым-белёшенька.
А у нас зима — звенит дороженька.
А у нас зима. А у нас зима...
Сойдёшь с ума!

Я не юноша, понятно,
Даже мне не двадцать пять.
Вы смеётесь, мне приятно —
С головой в сугроб нырять.

Я бы съехать мог примерно,
Мог бы сделать виражи,
Но тогда бы я, наверно,
Вас ничуть не рассмешил.

Купол неба голубого
Алой лентой обрамлён.
И опять я бестолково,
Как мальчишка, в Вас влюблён.

И сейчас мне, в самом деле,
Хоть с макушки колесом,
Лишь бы Вы вослед глядели
И смеялись!
Вот и всё.

Кто-то хвалится горами,
Что уходят в вышину.
Кто-то хвалится садами...
Я ж на севере живу.

А у нас зима белым-белёшенька.
А у нас зима — звенит дороженька.
А у нас зима. А у нас зима...
Сойдёшь с ума!

Пусть снова выюга злится
И леденеет даль,
Но клюнула синица
О голубой хрусталь.

И смотрит день с улыбкой,
Как тётушка сосна
Качает солнца зыбку,
А в зыбке той — весна.

Ещё не скоро лето.
Не слышно, не зови.
Ещё за морем где-то
Зимуют соловьи.

И всё ж светлеют лица,
И розовеет даль,
И клюнула синица
О голубой хрусталь.

ГЛАВНЫЙ ПРОСПЕКТ

Едва голубой просвет
Вспыхнет на кромке ночи,
Давно уж не спит проспект,
Хотя и молчит.

Не открывая век,
Лежит в предрассветной тиши,
И, как трудовой человек,
Вставать не спешит.

припев:

Город наш небольшой,
Но со своей душой,
И со своими
Людьми такими,
С которыми мне хорошо.

Ведь он, как глава семьи,
Всегда терпеливо ждёт,
Пока со счастливой скамьи
Последний уйдёт.

И только теперь проспект
Может глаза сомкнуть,
Чтоб до утра успеть
Чуть-чуть отдохнуть.

припев:

Город наш небольшой,
Но со своей душой,
И со своими
Людьми такими,
С которыми мне хорошо.

АХ, ГОВОРите!..

— Милый, простите, я опоздала.

Ну, улыбнитесь скорее сейчас!

Я этой встречи так ожидала!

Что ж вы молчите?

— Я слушаю Вас!

— Как хорошо! Как легко мне и просто.

Так ведь бывает лишь только весной.

И вечер такой удивительно звёздный!...

— Просто сегодня Вы рядом со мной!

п р и п е в :

Не говорите! Не говорите!

Не говорите такие слова!

Это вы льстите! Это вы льстите!

Как бы хотела я быть не права!

— Город ночными огнями рассвечен.

Поздние люди спешат по домам.

Пусть этот вечер будет не вечным,

— Он, как подарок, останется нам.

— Вот вы опять мне целуете руки.
И снова себя я на мысли ловлю:
Всё тяжелей нам даются разлуки...
— Я обожаю Вас! Я Вас люблю!

припев:

Ах, говорите! Ах, говорите!
Ах, говорите мне эти слова!
И повторите! И повторите!
Пусть закружится от них голова!

СИБИРЯЧКА

Синеглаза и русоволоса
И платок на плечах расписной,
И спадают волнистые косы,
Будто плёсы в полуденный зной.

п р и п е в :

Сибирячка. Сибирячка.
Ты проста. И ты гордячка.
Ведь Иртыш и Енисей
Из числа родни твоей.

Ты такая, что словом не скажешь.
И походка и стать — хоть куда.
И посмотришь, как будто обяжешь
Полюбить этот край навсегда.

п р и п е в :

Сибирячка. Сибирячка.
Ты проста. И ты гордячка.
Ты на праздник и на труд.
И хозяйшкой зовут.

С ней любую беду одолеешь.
С ней забудешь обиды свои.
В дружбе нет сибирячки вернее.
Нет верней сибирячки в любви.

припев:

Сибирячка. Сибирячка.
Ты проста. И ты горячка.
С благодарностью судьбе
Низко кланяюсь тебе.

Скоро ль, скоро ль, грусть-тоска,
В сердце успокоишься?
Скоро ль, скоро ль, Обь-река,
Ото льда откроешься?

Говорить не стану, эх,
Против даже слово я.
Унеси всё старое.
Принеси всё новое.

Пусть себе забудется
Всё, что забывается.
А возьмёт и сбудется,
Что и не сбывается.

Чтоб свои рубахи
Парни разрывали.
Чтобы все девахи
Обо мне вздыхали.

Чтоб шептали тихо,
Вроде беспричинно:
— Вон идёт Сочихин —
Ничего мужчина.

Налый барыкыт — сарыкыт.

В чаше злате, а не в чаше.

Налый барыкыт — сарыкыт.

Салыкыт — сарыкыт — сарыкыт.

Налый барыкыт — сарыкыт.

Налый барыкыт — сарыкыт.

Налый барыкыт — сарыкыт.

Налый

БАЛЛАДЫ

Налый

Налый барыкыт — сарыкыт.

Налый барыкыт — сарыкыт.

Налый барыкыт — сарыкыт.

Налый барыкыт — сарыкыт.

Налый барыкыт — сарыкыт.

Налый барыкыт — сарыкыт.

Налый барыкыт — сарыкыт.

Налый барыкыт — сарыкыт.

Налый барыкыт — сарыкыт.

Налый барыкыт — сарыкыт.

Налый барыкыт — сарыкыт.

Налый барыкыт — сарыкыт.

Налый барыкыт — сарыкыт.

Налый барыкыт — сарыкыт.

Налый барыкыт — сарыкыт.

Судя по тому, что ты-то
и не знаешь, что такое
тысяча и тысяча, а тысяча,
тысяча и тысяча.

Тысяча и тысяча, а
тысяча и тысяча,
тысяча и тысяча.

тысяча и тысяча

тысяча и тысяча
тысяча и тысяча
тысяча и тысяча
тысяча и тысяча

тысяча и тысяча
тысяча и тысяча
тысяча и тысяча
тысяча и тысяча

тысяча и тысяча
тысяча и тысяча
— тысяча и тысяча —
тысяча и тысяча.

БАЛЛАДА О ПЕРВОЙ СКРИПКЕ

Пахнет деревом и краской.
В зале тесно и светло.
Нет, сегодня не напрасно
Собралось здесь всё село.
И недаром платья белые
И букеты у девчат —
Нынче будет скрипка первая
Первый раз для них звучать.
Парни шумные, вихрастые
Все примолкшие сидят,
Чуть смущённые, украдкой
На своих подруг глядят.
Только занавес раздвинулся,
Лишь раздвинулся, как вдруг,
Словно вал по залу ринулся
И заполнил всё вокруг.
Вышел Он. Совсем обычный,
Поклонился в бурный зал.
Скрипку взял. Ему привычно,
А волнение в глазах.
Взлёт смычка. Зал стих и замер.
Замер тополь за окном.
Будто все сейчас сердцами
Слиты в общее, одно.

И слегка струну задел Он,
Очень тихо, не спеша, —
Содрогнулась и запела,
Нет, не скрипка, а душа.

.
Давно концерт уже окончен,
Но никто не шёл домой.
Где-то пела за околицей
Наша русская гармонь.
Про любовь. Про ширь раздолий.
Про поля. И про леса.
И старательно ей вторили
Разливные голоса.
И вставал перед глазами
Деревенский паренёк.
И тянулись руки сами,
Брали скрипку и смычок.

БАЛЛАДА О ПЕТУХЕ И СТУДЕНТЕ

Жил на свете петух,

Ух!

И жил на свете студент

В тот момент.

Петух был важен и горд,

Как лорд.

А студент был бледен и худ,

Как «уд.»

Петуха кормил дед —

Не секрет.

А студента кормили в столовке

«Совторговки».

И не брал их ни мир, ни совет,

Нет!

Среди белого дня, среди сна

Шла война.

Если рядом старик —

Ни пик.

А случится глаз к глазу

И сразу...

Встанут грудь перед грудью — и ша!

Ни на шаг.

Так и жили ни много, ни мало,

Эх, мама!

Эх, мама моя ты, эх, мамочка!

Не жизнь, а могила —

Ямочка.

Стал петух всё толстеть и толстеть.

А студент всё худеть и худеть.

И подумал студент: «Так и быть,

Мне не жить,

Но и ты потеряешь, петух,

И перья, и пух!»

И занял студент три рубля,

Тру-ля-ля!

И отнёс он их старику —

Дураку.

И повержен петух был во прах,

Ах!

А студент?...

А студент, отведав петушиных потрохов, воспрянул и духом и телом, да так, что успешно защитил диплом.

Но и по сей день, став уважаемым человеком и отцом семейства, он непримирим с петухами, хотя, при случае, предпочитает цыплят табака!

БАЛЛАДА О ЗАЯЧЬЕМ ОСТРОВЕ

Живу, как заяц на заячьем острове,
Без всяких прописок, без всяких бумаг,
Просто
Так.

Моя избушка-насыпушка,
Совсем как дряхлая старушка.
Она под тяжестью лет
Вся в грунт ушла почти на нет.

И мыши дружно без запинки
Ордою сквозь неё прошли.
И паклю всю и все опилки
С собой куда-то унесли.

Её трухлявленные доски,
Как будто ветхие обноски.
Едва прикрыта нагота,
Где лишь ночует теплота.

Под рубероидной косынкой
Два глаза светят чуть с косинкой...

Ну, летом — ладно, а зимой?
И то. И сё. И — боже мой!

Но рад я. Рад я, как зверушка,
Что где-то есть моя норушка,
Что вот приду в неё с работы,
Плиту-печурку затоплю —
И где они — мои заботы?
И где печали?
У-лю-лю!

Вот стол у самого оконца.
Вот книг неровная стопа.
Сквозь занавеску — лучик солнца.
Всё жизнь. Всё вера. Всё — судьба.

БАЛЛАДА О ЦЕННЫХ МЕХАХ

У нас к бобрам и соболям
Почтение особое.
Не то, что к зайцам-кроликам,
Лишь мизерную толику.
А откуда се взялось?
Се издревле повелось!

Вот автобус длинный, красный
Вдоль по улице пропёр.
Всем разумным людям ясно,
В том автобусе — бобёр.
А зайчики и кролики
Продрогли аж до коликов.

Дефицит высокой пробы
Поступил тайком на склад.
Тут как тут явился соболь,
С соболихой, виноват.
И что от них осталось
Бобрами расхваталося.

Так ведётся: каждый предок
В жизнь своих выводит деток.
Соболь — в соболиную.
Бобр же — в бобриную.
Ну, а зайцы и кроли —
Что пониже от земли.

Потому-то соболёнок
Знает Я своё с пелёнок.
И бобрёнок знает Я.
Знает Я и их родня.
А откуда се взялось?
Се издревле повелось!

Не пророк я, чтоб пророчить.
И в мехах я ни бум-бум.
Но кому-то надо очень
Это взять себе на ум.
Потому что ценный мех
Точит моль быстрее всех.

БАЛЛАДА О ЗАВЕТЕ ИЛЬИЧА

Когда умирал наш Ильич,
Он бросил свой Ленинский клич
Во всей каратавой красе:
«А шли бы вы, батеньки, все!...»

Ослушаться мы не могли.
И вот мы пошли и пошли.
И ночью. И утром. И днём
Идём мы. Идём. И идём.
И вечером также идём,
Как шли мы и ночью и днём.

И столько уж минуло лет.
Но путь не кончается. Нет!
И ночью. И утром. И днём
Идём мы. Идём. И идём.
И вечером также идём,
Как шли мы и ночью и днём.

Вот встали отцы за отцов,
Мол, всё же, в конце-то концов!

И снова...

И ночью. И днём

Идём мы. Идём. И идём.

И вечером также идём,

Как шли мы и утром и днём.

Нас губят и стужа и зной.

Мы гибнем. Но с мыслью одной:

«Когда наш Ильич умирал,

Куда-то он нас посылал?»

Неужто никто не слышал?

А, может быть, не разобрал!!!

ФЕЕРИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА

В этаким каком-то...

Не скажу, году,

Чтобы не накликать

Невзначай беду.

Надоеет народам

Мирно поживать,

Захотят народы

Чуть повоевать.

Вот проснётся Ванька

Да затопит баньку,

Да покличет Маньку

Спинку почесать.

Вот помывшись в баньке,

Поскакав на Маньке,

С этаким чесаньки

Как ни помахать,

Скажем, рукавами.

Ходят по стритам
Гарри со Смитом.
Ходят. Гуляют.
Гамбургеры жуют.
На асфальт не бросают.
В урны не плюют.

Вот им-то прямо в руки
Упали эти штуки,
Они от изумления
Глазёнки-то на лоб —
Бывает везение,
Но такое чтоб?!?!...

И тут, как бы в угаре,
Крикнул Смиту Гарри,
Крикнул Смиту Гарри:
«Вот из ит, май фрэнд?
Видно, рашен Ванька
Хошэт наша странька
Малёнький презент!»

И в Америке сытной,
Завистливой и скрытной

Им без промедления
Найдут применение,
С лёгкой усмешкой
Проявив интерес —
«Е-е-е-ес!»

И в России

(некоторое время спустя)

За деревней на полянке
Что-то делали крестьянки,
Что-то там такое,
Почти не беспокоя.
То ли репку дёргали,
То ли детку торкали
При большом народе...
Ну, что-то в этом роде.

«Мой милёнок ненаглядный
Мне прислал портрет парадный.
Милый на портретике
В голубом беретике».

И тут как трахнут небеса —
И посыпалась краса.
Силушки небесные,
Ужас интересные:
Лифчики с трусиками,
Да эти штуки... с кусиками,
И на всём «мэйд ин ЮСА».
Вот уж чудо-чудеса!

Что тут было! Что тут стало!
Всё кругом затрепетало.
Всё пришло в движение —
Как винобродение.

То, что можно — побросали.
То, что должно — в сумки взяли,
Зарясь на обнову:
«Бери — загребай!»

.

Тут нам и — ХЕЛЛОУ!
Тут нам и — ГУД БАЙ!

такие дела.....

И в те времена...
И в те времена...
И в те времена...
И в те времена...
И в те времена...
И в те времена...
И в те времена...
И в те времена...

И в те времена...
И в те времена...
И в те времена...
И в те времена...
И в те времена...
И в те времена...
И в те времена...
И в те времена...

И в те времена...
И в те времена...
И в те времена...
И в те времена...
И в те времена...
И в те времена...
И в те времена...
И в те времена...

UNEP

ПРАКТИКАНТЫ

Берег таежной реки. Сквозь деревья видны снежные вершины гор — гольцы. Вечереет. Из леса выходят двое. Это Сергей и Борис. Оба — практиканты-геологи. Они возвращаются из очередного маршрута.

Сергей: Ну что? Отдохнем, быть может?
Приличное место вполне.
Послушай, дружок хороший,
Закурить-ка, случайно, нет?

Борис: Закурить!
Что ж, всегда пожалуйста.
Ох и добрый же здесь самосад.
Закури, но потом не жалуйся,
Что охрипнешь на полчаса.
Да и жаловаться здесь некому,
Ты да я, да тайга вокруг.

Сергей: Ну, давай что ли, бедному греку,
Доморощенную махру.

*Он сворачивает самокрутку. Затягивается.
Кашляет.*

Хоро-о-ош! Ничего не скажешь.
Покрепче достать не мог?
Этот и медведя даже
Запросто свалит с ног.
Как они только курят?
Это ж вернейший яд!

Борис: Что ты. «Его бы курам,
А не нам», — мужики говорят.
Надо вот место осваивать.
Костерчик бы на ночь разжечь.
Сварить что-нибудь.

Сергей: Не расстраивай
Печень мою и желчь.
Есть же буханка хлеба
Да банка компота грушевого.
Сейчас под саянским небом
Уплетнем их за милую душу.

Борис приносит охапку сухих веток. Раскладывает костер. Затем, взяв котелок, идет к реке. Сергей достает из рюкзака провизию. Режет хлеб. Открывает банку. Напевает:

Какая пища: Хлеб! Вода!
И нет у нас другого спроса.

Питанье это еще — да!
А то и вовсе — папироса.
Но вот когда дают «стипон»
Или подбросят что из дома —
Бокалы. Кружки... Чудный звон,
Такой приятный и знакомый.
Вино дешевое. Закусок мало.
Чего мы более хотим?
Так наливай скорей стаканы —
За голод прежний отомстим.

Возвращается Борис:

Ты что-то пел?

Сергей: Да, прижилась
Мелодийка. Вот подбираю
Слова.

*И, оглядев свое произведение кулинарии, об-
ращается к Борису:*

Ну что ж. Пожалте, князь,
К столу.

Чем, право, угодить не знаю!

*Они присаживаются к костру. Едят. Потом
закуривают. Сергей ложится и лежа напевает
что-то, должно быть, прежнюю песню. Солнце
село. И только между горных вершин еще теп-
лится хрупкая полоска заката.*

Борис (мечтательно):

Взгляни-ка туда. Ух, сила!
Вон между гор полоса.
Как будто бы там распустилась
Тугая девичья коса!

Сергей: Не той ли, признайся, Боря,
Что недавно от нас ушла?

(подражая Борису)

Глаза голубые, как море,
И брови, как два крыла.

(несколько спокойней)

Теперь на другом факультете
Она — королева мод.
Снятся ль ей камушки эти
И речка, что рядом течет?

Декламируя это, Сергей указывает рукой в сторону гор и реки. Затем бросает взгляд на Бориса. Увидев, что тот необычайно взволнован, садится.

Борис Иванович! Вы покраснели?
Ах, извините меня, извините!

Признайтесь-ка откровенно,
Вы ни о ней ли
Думу в душе глубоко храните?
Кто же царевну-то эту разбудит
Или остаться неразбуженной вечно
ей?

Борис порывается встать и уйти.

Сергей (примириительно):

Ну, хорошо. Хорошо. Не буду.
Это дело сугубо сердечное.
Давай тогда о чем-нибудь другом.
Память успеем еще полистаем.
Сегодня действительно хорошо
кругом,
И зорька как будто бы золотая.
А где-то вот так же: костры горят,
Сидят бородачи и варится каша.
Самая хорошая, как там ни говорят,
Профессия вот эта. Геологическая.
Наша!

После некоторого молчания

Борис: Серж, как ты думаешь, мы найдем
Этот кассетирит злополучный?

Сергей (укладываясь спать):

Не знаю.

Возможно.

Когда-нибудь потом,
Если проспимся получше.

Борис: Завтра мы выйдем из леса.

Сергей: Ложись, уже спать давно.

Борис: Ребята навстречу. Профессор.

Сергей: Поздравляют.

Ну, как в кино.

Борис: Допустим не так. Допустим.

Но к чему такие слова?

Все же у нас не пусто.

Борис кивает в сторону рюкзака с образцами.

Сергей: И признайся, не густ «навар».

*Он трясет этот рюкзак и небрежно бросает на
землю.*

Борис (с укором):

**С тобой и разговаривать-то
не следует,
Ты всегда затыкаешь рот.**

Сергей (совсем засыпая):

**Не будем ругаться, исследователь,
Профессор все разберет.
Ложись-ка и спи.**

Борис сперва ложится в некотором отдалении от Сергея, потом перебирается к нему поближе. Догорает закат. Опускается ночь.

Борис (с укором):

С тобой и разговаривать

не хочется.

Ты всегда занят собой.

Если простишь меня,

Сергей (горько засмеяв):

Борис. Зачем же вы меня
не будете ругать, недовольны

Борис. Профессор все разберет
Понесет и с ним.

Борис. Работа важнее. Профессор
забыл, что и в некоторых случаях

Борис. Но вы же знаете, что и в некоторых случаях
лучше не знать.

Борис. Делайте как знаете.

Но я тоже знаю.

Итак же вы и знаете.

Борис. А вы же знаете, что и в некоторых случаях

Борис. Профессор, вы же знаете

Борис. Но вы же знаете, что и в некоторых случаях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Петя Павлович — директор фабрики
Григорьев — секретарь
Татьяна — хозяйка квартиры
Павел — инженер-механик
Михаил — инженер-механик
Прохор — рабочий

БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

(в двух сценах)

АВТОР ПЬЕСЫ Илья Сергеевич

Перевод с английского языка
и редакция КОММУНИЗМ

РАБОТАЮЩИЕ
ТАБЕЛИ

(в 10-й серии)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Петр Иванович — директор фабрики
Его секретарша
Лейкин — такой человек
Волоха — инженер-изобретатель
Ведущие специалисты
Прочие рабочие

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ: СССР

(Союз Советских Социалистических
Республик)

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ:

Начало шестидесятых годов двадцатого века.

ХРУЩЕВ Никита Сергеевич

*«Нынешнее поколение советских людей будет
жить при КОММУНИЗМЕ!»*

І СЦЕНА

Типичный кабинет типичного советского руководителя. Возле дверей, обитых коричневой кожей, с табличкой «ДИРЕКТОР» — стол, на столе печатная машинка, за столом секретарша. Входит Лейкин и идет прямо к дверям директора, на ходу бросая:

Мне к Самому, непременно.

Срочное у меня...

Возле секретарши почти шепотом:

У нас намечаются перемены

С дня.

Она не успевает что-либо сообразить, как Лейкин скрывается в кабинете. Прикрыв за собой дверь, Лейкин кланяется:

Петр Иванович! Здра-а-авствуйте!

Что я хочу сказать...

Милочка-то кра-а-асится

И подводит глаза.

Петр Иванович удивленно смотрит на вошедшего. Узнав его, восклицает:

А-а-а, старый знакомый, товарищ
Лейкин!

Вы, это самое, воды не лейте
И выбросьте из башки своей,
Будто у меня что-то там с ней.

Лейкин: Петр Иванович, пожалуйста, тише,
И... пусть это в тайне будет пока.
Скоро должна прийти к нам свыше
Бумага длиною в три вершка.

Петр Иванович: Бумага!? Откуда? Какая бумага!
Может быть, снова «уточка»?
Или хотите обмануть, как того
завмага?

Лейкин: Ну, что вы, Петр Иванович!
Минуточку.

*Он оглядывается на дверь: нет ли там кого
и закрыта ли она, и говорит таинственно, но
доверительно:*

Мой знакомый, он, правда,
не главный,
И, надо признаться, не средненький,
Но парень во всех отношениях
славный,
И он имеет массу сведений.

И вот однажды за кружкой пива...

Петр Иванович (в нетерпении):

Да говори ты! Говори! Не тяни-с!

Петр Иванович даже не заметил, что НЕ ТЯНИ он произнес с окончанием на с, НЕ ТЯНИ-С! Как некогда говаривали услужливые приказчики.

Лейкин: Нашу фабрику «Красная перспектива»
Посылают в КОММУНИЗМ!

Петр Иванович: Как в коммунизм? Уже? Так быстро!
Но двадцать лет еще не прошло.
Вот это новость! Она, как выстрел!..
А если и вправду?! Куда ни шло!

Потом, погрозив Лейкину:

Смотри мне! Смотри! Чтобы все
без подвоха!

Лейкин преданно смотрит в глаза Петру Ивановичу. И Петр Иванович, как бы подобрев:

Вы уж об этом пока никому.

Входит секретарша:

Пришел инженер товарищ Волоха.
Разрешите войти ему?

Петр Иванович: Пусть входит. А впрочем? Не надо. Нет. Подождет. Ничего не случится...

Подходит к дивану, садится на него:

Ой, сердце! Ой, сердце! Оно во мне,
Как будто бы конница мчится!

Лейкин и секретарша бросаются к графину
с водой:

Петр Иванович! Пожалуйста, выпейте!

Петр Иванович! Да что ж это вы!
Мы все пойдем, свои груди выпятив,
За Вас нам не жалко и головы!

Петр Иванович, отпив немного, машет рукой, чтобы впустили Волоху. Входит Волоха. У него ершистый вид, и он начинает с нескрываемым раздражением:

Петр Иванович! Что это значит?
Из каких, подскажите, таких идей?
Вчера монтаж агрегата начат,
Сегодня снимаете всех людей!

Ведь эта работа по графику,
плановая.
Вот-вот — и исполнится наша мечта!
Уж все до минуты проверено заново
И пересчитано до последнего винта.

Петр Иванович: Ах, дорогой мой! За нами не гонятся.
Мы взяли успешно намеченный
рубез.

В работе нужно так же, как
в пословице —
Семь раз отмерил. Один — отрежь.

Волоха: Но вы говорили на техсовете,
Что мое предложение — это клад.
Значит, слова ваши выброшены
на ветер
Тогда вы просто бюрократ!

Петр Иванович, с трудом подыскивая
слова:

Я бюрократ?! Да как вы смели!
Да я! Да я! Да я же вас!...

Я сорок лет плаваю, обходя мели,
Но я не пароход, а руководящая
голова!

*В кабинет стали входить, видимо, ведущие
специалисты, и Петр Иванович смягчается:*

Будьте, пожалуйста,
полаконичней,
Тут вам не улица и не пивная.
С вашим предложением
я ознакомлюсь лично —
Оно стоящее. Я знаю.

*Появляется посыльный с большим пакетом
и передает его Петру Ивановичу. Петр Ивано-
вич разрывает пакет, достает бумагу. Все на-
стороженно глядят. Он, отвернувшись, мерит
ее — ровно три вершка.*

Лейкин (в сторону):

Я меня на это собачий нюх.

Петр Иванович, оборачиваясь:

Прошу оставить всяческие
вопросы.

Я приказываю: к завтрашнему дню
Всю фабрику поставить на колеса!

И я прошу вас. Подчиниться
изволь!
Хранить разговор наш в молчании
и строго.
Завтра по сигналу в пятнадцать
ноль-ноль
С БОГОМ!

Опять дожди. Дожди. Дожди.

Ничего. Подсохнет —

Волоха, обращиваясь к Петру Ивановичу:

У многих цехов сломались моторы.

людей!

Ну что ж! Тогда без лишних

В о л о х а , недоумевающая: Ло-ша-дей!?

Петр
Ивано - Ну да!
вич!

Воло - Не понимаю.
ха:

Петр И нечего тут понимать...
Ивано - Жаль только, сенца в мае
вич: Очень трудно достать.

Но и это для отговорок не причина.
Нет ничего невозможного
на земле.

Вы ведь образованный мужчина
И еще несолидных лет.

Воло - Но, Петр Иванович, я
ха: не зоотехник,
И тем более не агроном.
И я не хочу быть для кого-то
потехой!

Петр
Ивано - Вы забываетесь! Но-но!...
вич:

И после некоторого молчания:

Подумайте! Взвесьте!

И не спешите!

Я не останусь перед вами в долгу!

Волоха (решительно):

Нет, Петр Иванович, вот,

подпишите,

Я больше так не могу!

Волоха достает заранее написанное заявление и подает Петру Ивановичу. Петр Иванович читает его, морща лоб. Потом говорит:

Я думал, что вы — голова

большая.

А вы, оказывается, жеребеночек

ретивенький.

Что ж, увольняйтесь.

*Подписывает, говоря вслух, чтобы слышал
Волоха:*

Не возражаю.

Уволить из-за неумения работать

с коллективом.

*Волоха берет заявление и уходит. Входит
кто-то из ведущих специалистов:*

Петр Иванович! Люди устали!
Это не дорога, а сплошной водоем.
Люди не могут. Они не из стали.
Скажите, наконец-то, куда мы
«плывем»?

Петр Иванович подходит к окну и вглядывается в него. Входит Лейкин. Радостно:

Петр Иванович! Разведка
докладывает
Сегодня на рассвете. Да,
на рассвете, э-э-э!
Кто-то на небе золотом
выкладывал
Слово... где три Мэ!

Петр Иванович оборачивается и вопросительно смотрит на Лейкина.

Нет достовернее сведений этих,
Вы же ведь знаете Лейкина, поди!

Петр Значит, скоро! Скоро доедем!
Иванов- Ух! Слава тебе, Гос-по-ди!
вич:

Он истоиво крестится. Сквозь шум дождя доносится разухабистое пение:

Первый «Пускай голодные. Пускай
голос: устали мы.
Но мы пройдем свой путь весь
до конца.
За дело Ленина! За дело Сталина
Стучат. Стучат в груди у нас
сердца!»

Второй «Мой миленок коммунист,
голос: А я комсомолка.
Он меня положил вниз —
Тут я и умолкла!»

Третий «Ой, подружки! Ой, подружки!
голос: В коммунизм хочу я как!..
Там ведь женские игрушки
Раздаются просто так!»

Петр Иванович, возмущенно:

Что за песни? Отставить пение!
Пусть занимаются чем-то другим.
Это — величайшее историческое
мгновение!
Гимн! Гимн!!!

Вбегают секретарша и еще несколько человек. Все устремляются к окну. Вдали, в блед-

ной полоске все отчетливей и отчетливей можно различить: ИЗМ! Торжественно исполняется гимн «Союз нерушимый...» По небу пробегают красные сполохи: один, другой, третий, и там ясно проступает слово, которое все вместе читают по складам, — КА-ПИ-ТА-ЛИЗМ!
— ЛИЗМ!

Вздох изумления!

КОНЕЦ

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

«Милая девочка с розовым бантиком»	5
«После грозы»	6
«Смотрю из далекого детства»	7
«Птицеловы»	8
«Облака, пушистые, как вата...»	9
«Ласточки»	11
«Бегут, как встарь»	13
«Ветер провода перебирает...»	14
«С добрым утром»	15
«Тучи солнце полонили...»	17
«Люблю нашу речку волнистую...»	19
«Я спускаюсь со скалистого берега...»	20
«Задержался в хороших гостях...»	21
«Вечер после дождя»	22
«Студенческая песня»	24
«В огороде»	26
«Удивление»	28
«Места родные, вас мне не узнать...»	30
«Где сорока стрекочет...»	31
«Мышиный горошек»	32
«Люблю, что порхает, летает...»	33
«Пожухла небес синева...»	34
«Зимняя невеста»	35
«Во дворе мы саженцы садили...»	37
«Какие луны в декабре...»	39
«Воробьи залетели в столовую...»	40
«Какая погода! Я даже не верю...»	41
«Заметелила. Завьюжила зима...»	43
«С ночевой»	45

«Для чего ношу усы...»	48
«Ходит сизый голубок...»	50
«К моей фотографии»	51
«Кружусь, как белка в колесе...»	52
«Да, наше время сложное...»	53
«Приглашение к столу»	54
«Другу» («Ты женщину любил...»)	56
«Отец ушел (воспоминание товарища)»	57
«Исход»	59
«Понахмурились дороги...»	61
«Реставрируют церковь во Спасе...»	62
«Молодые люди»	63
«Гражданская война»	64
«Ничто не вечно под луной»	65
«Обида»	66
«Как же случилось-то? Как же случилось...»	67
«Котик черный, как чертик запечный...»	68
«Всю жизнь. Всю жизнь...»	69
«Устал. Устал...»	70
«Меня учили часто...»	71
«Планида»	72
«Однажды случится такое...»	73
«Рисует осень акварелью...»	74
«Ах ты, осень, ты так обманчива...»	75
«Вот и окончилось лето...»	76
«Листопад на дворе. Листопад...»	77
«Ветер. Ветер. Я вижу. Я вижу...»	78
«Кудрявый мальчик Купидон...»	79
«Соперники»	80
«Молодой человек, подождите...»	81
«Заросла тропа к реке травой и талом...»	82
«Надежда»	83
«Эта жизнь — занятная штучка...»	84
«Налейте мне чаю...»	85
«Как высоко парили облака...»	86
«Зачем ты, муза, посещаешь...»	87
«Привет тебе, Родина наша...»	88
«Ты написал стихотворение...»	89
«Пусть все мои стихи не стоят ни гроша...»	90
«Ты, наверное, сова...»	91

«Хорошо с хорошими друзьями...»	92
«Зачем стихи пишу?»	93

ПЕСНИ

«Весна»	97
«Первое свидание»	99
«Спит город любимый мой»	101
«Школьный белый вальс»	103
«Студенческая гитара»	105
«Ах, зачем к нам приходит весна»	107
«Они целовались на людном причале»	108
«Два колечка»	109
«Мы засыпаны снегами»	111
«На обских просторах»	113
«Сургутнефтегаз»	115
«Дивный град»	117
«Кто-то хвалится горами»	119
«Пусть снова вьюга злится»	121
«Главный проспект»	122
«Ах, говорите!»	124
«Сибирячка»	126
«Скоро ль, скоро ль, грусть-тоска...»	128

БАЛЛАДЫ

Баллада о первой скрипке	131
Баллада о петухе и студенте	133
Баллада о заячьем острове	135
Баллада о ценных мехах	137
Баллада о завете Ильича	139
Феерическая баллада	144

ПЬЕСЫ

Практиканты	149
Бюрократическая трагедия	157

Никон Сочихин
ПОД НЕБОМ ВЫСОКИМ
Стихи и песни. Баллады. Пиесы

Обложка — Светлана Огнева

Сдано в набор 21.04.99 г. Подписано в печать 07.08.99 г.
Бумага офсетная. Формат 70×100_{1/32}. Печать высокая.
Пл. 5,5. Тираж 1000. Заказ 842.

Издательство «Красное знамя»,
г. Томск, пр. Фрунзе, 103

*Получу от музы чин -
Буду славным из музчин.*

Никон.

72202004
Окружная библиотека

